

ПРОЛОГ

Луна еще не взошла, а может, просто была скрыта тучами. В темноте дворцовый сад терял половину своего великолепия. Не было видно ни механических птиц, сидящих на ветках остриженных наголо деревьев, ни травы, покрытой серебряной краской. Мелкий пруд казался непрозрачным и черным. Только по тихим всплескам можно было понять, что здесь, как и во всех водоемах Империи, живут розовые карпы.

Статуи двенадцати воинов с головами зверей, окружавшие Зал Гостеприимства, в темноте казались еще более массивными и зловещими. Говорили, что в безлунную ночь они спускаются со своих пьедесталов и идут осматривать сад. Глаза их горят зеленым светом, а тяжелые ноги не оставляют следов на земле. Но если эти сказки кого и пугали, то лишь настоящих обходчиков. В такие ночи, как сегодня, воины внутренней стражи таранились во тьму со своих деревянных вышек, жгли костры, но в сад не спускались.

Очевидно, это было на руку двум нарушителям, пробиравшимся к Залу Покоя. Издалека их можно было принять за осмелевших обходчиков: осанка и походка выдавали воинов, а одежда ничем не отличалась от формы императорской стражи. Но если бы луна вздумалось осветить их лица, всякому

стало бы ясно, что это чужие. Один из пришельцев был слишком юн, чтобы служить Императору. Другой – слишком стар: длинная белая борода, обернутая вокруг шеи, выбивалась из-под его воротника.

Эти двое были до того уверены в трусости стражи, что не только не прятались, но даже спорили громким шепотом.

– Я не понимаю тебя, – говорил юный воин. – Если ты не со-
врал, то всего два человека стоят между мной и властью над
целым светом. Скоро с ними будет покончено, и ты сможешь
просить любую награду за свою преданность. Почему же ты
хочешь уйти?

– Я получу достаточно, когда увижу их смерть. Мы все ре-
шили. Не будем...

Слова старика потонули в ровном гудении, доносившемся из дальней части сада: воины подходили к отопительной башне. Там в огромных чанах днем и ночью нагревалась вода, а вращающиеся колеса с ковшами черпали ее и отправляли по желобам вниз. От каждого желоба тянулись трубы, составленные из полых стволов бамбука. Трубопровод, еще в давние времена построенный так, чтобы идти под уклон, проходил под каждым залом Императорского Дворца. Вода отдавала тепло полам и циновкам и, остыв, текла к основанию башни, откуда насосы возвращали ее в чаны.

Зал Покоя отапливался лучше других. Особенно в те редкие дни, когда здесь останавливался сам Император. Здоровью правителя, и без того утомленного поездками к дальним границам страны, не должны были угрожать сквозняки и холод.

– Почему ты так уверен, что они оба там? – Молодой воин облизнул губы от нетерпения.

– Эти правила старше меня. Если женщина одна в Зале Покоя, на крышу кладут чучело Дракона, чтобы тот защищал ее. А когда ее муж возвращается, крыша пустеет. Твои глаза видят лучше моих, и, если бы сейчас был день, ты бы сам убедился, что чучела нет.

– Не хотел бы я, чтобы сейчас был день...

– Кого нам бояться? Стража втайне ждет смерти хозяина. Он слаб и слишком любит красоту. Для него раб, красящий в серебряный цвет траву, милее, чем все воины, вместе взятые. Когда все будет кончено, ты отправишься в Главный Зал, ударишь в гонг и объявишь себя правителем всех земель, включая и эти. Стражники склонятся перед тобой.

– Об этом я и говорю. Появись мы тут днем – и нам пришлось бы без особой нужды убить немало моих будущих воинов...

Отопительная башня осталась позади. Сад, который и днем невозможно было обойти, не присев отдохнуть два-три раза, ночью будто стал еще длиннее. Старик уже не поспевал за своим спутником. А тот, похоже, потерял вместе с терпением остатки осторожности – и все ускорял шаг. Он остановился, лишь когда Зал Покоя наконец выплыл из темноты. Не оборачиваясь и словно забыв про старика, юноша выхватил меч и двумя ударами рассек бумажную стену. Затем скрылся в треугольном проеме, чтобы выпустить наружу два крика: мужской и женский.

...Когда первый стражник вбежал в Зал Покоя, полный решимости покарать обидчиков своего государя, первое, что он увидел, – это неясные очертания прятавшегося в углу старика, который, сокрушенно мотая головой, подметал пол бородой. Взгляд стражника перекинулся на мертвые тела Императора

и его супруги. А когда он снова посмотрел в угол, то решил, что ему померещилось. Там никого не было!

Лишь висел на плечах соломенной куклы дневной наряд Императора. Сквозняк колыхал его, а свет, лившийся в Зал из дверей и дыры в стене, выбеливал полосу серебряного шитья, шедшую от воротника к подолу. Луна наконец-то взошла...

ЧАСТЬ I

Появление Чода

Солнце стояло высоко, но ворота Дворца были еще закрыты, когда к ним со стороны города направился человек. Судя по юбке из грубой кожи и отсутствию обуви, это был крестьянин из провинции. Судя по безрассудности поступка – не самый умный из них.

Стража пристально наблюдала за ним с высоты ворот, и, когда он подошел на достаточное расстояние, один из воинов выхватил стоявшее в нише копье и метнул его в нарушителя. Копье воткнулось в землю у самой ноги крестьянина. Тот вздрогнул и остановился, но не побежал назад, как это сделали бы многие на его месте.

– Благодарю богов, что при тебе не оказалось оружия! – Стражник, метнувший копье, поднялся над воротами. – Иначе я проткнул бы тебя насквозь! Отвечай: кто ты и почему крадешься сюда в этот час?

– Меня зовут Чод, я был водоносом в деревне Чоддам и пришел посмотреть на выезд моего Императора! Я не крадусь, а мирно иду, чтобы поспеть к началу зрелищ. – Голос чужака дрожал, но в глазах его не было страха.

– Ты, верно, был в своей деревне дурачком, а не водоносом! Каждая собака в Империи знает, что нельзя подходить к воротам ближе, чем на двести шагов. Таковы правила! Зрители не должны пересекать красный песок, а ты оставил его далеко за спиной...

Чод обернулся. В пятидесяти шагах от него на песке действительно алела тонкая линия.

– Я пришел от дальних границ Империи и ничего не знаю про эти правила.

– Ты и правда дурак, да к тому же еще и смутьян! У Империи нет границ! Император правит всеми землями, над которыми светит солнце!

– Но и солнце спит по ночам. Что же, ваш Император ночью бессилён?

Говоря это, Чод засмеялся. Воин нагнулся к нише за вторым копьём, но, когда распрямился, человека перед воротами уже не было – он будто взмыл в воздух. Стражник недоуменно посмотрел на небо, а затем обернулся к своим соратникам. Но те не участвовали в перепалке и не видели, куда скрылся Чод. Может, он смешался с толпой первых зрителей, подступавших к красной черте? Стражник пожал плечами.

Тем временем сотни людей тянулись к воротам поглазеть на выезд Императора. Здесь были лавочники, воины внешней охраны и сброд из воровского квартала. Сюда также спешили рабы с жердями и инструментом – сколачивать помосты и трибуны для чиновников, живущих за пределами Дворца (и оттого вечно злых). Нужно было успеть возвести помост до начала зрелищ, а иначе получишь в глаз деревянной туфлей-чоба или окажешься в яме с собаками.

Внутри стен дворцового сада тоже бурлила толпа. Выезд Императора был назначен на полдень, но воины уже собирались на площади. Их парадные медные шлемы были начищены и обмотаны лентами – черными или красными, в зависимости от звания. То тут, то там разгорались стычки между рядовыми и их начальниками. Один воин забывал, на какой ноге должен стоять при появлении Императора, у другого в широком рукаве находили припрятанную еду: бедняга боялся, что успеет проголодаться до конца церемонии.

Каждый год Император на час выезжал из Дворца, чтобы взглянуть на подданных, и каждый год приходилось заново репетировать построения и выходы, раздавать пинки и пощечины. А все потому, что лишь самые трусливые и покорные воины участвовали в двух выездах подряд. Остальных либо убивали в ночном патруле, либо за малейшую провинность ссылали во внешний мир. Каждый второй стражник был новичком, но столь страшны были наказания за оплошность и срыв торжеств, что к моменту появления Императора уже каждый стоял на своем месте и знал, что ему делать.

...Тяжелые двери Главного Зала открылись по первому звуку гонга. Стражники не повернулись на звук: правила запрещали это. Но каждый скосил глаза в надежде увидеть Императора. Многим из воинов предстояло лицезреть его в первый раз, а если судьба не будет к ним благосклонна – то и в последний.

Но сначала в дверях показались фигуры, знакомые стражникам. Тут были жрецы, начальники дворцовой охраны и придворный механик, конструировавший для правителя заводные устройства. Наконец, за ними выползла стальная черепаха, несущая трон государя, обнесенный ширмами. Машина, на спине которой восседал Император, была гордостью механика

Фата. Гигантская пружина, для завода которой требовалось сорок отборных воинов, медленно разворачивалась в недрах чудища. Под действием сил, природа которых была ясна одному лишь Фату, в недрах панциря вращались зубчатые колеса и ритмично сокращались сотни лопатообразных ног. Зарываясь в песок, они толкали машину вперед. Перед началом каждого выезда трон и черные ширмы на веревках спускали на спину чудовища и закрепляли. Панцирь был до того покатым и гладким, что ни один убийца не смог бы взбежать на него...

Гонг прогудел повторно, на сей раз так громко, что его было слышно и за пределами Дворца. Церемония началась. Ворота со скрипом открылись, и поток стражников устремился через них, заполняя песчаную площадь от стен до красной черты. Вскоре сюда же подошел императорский кортеж. Стальная машина со скрипом остановилась. Позже, когда ворота уже будут закрыты, а толпа разойдется, рабы поволокут ее обратно в Главный Зал, скрывая постыдный секрет механика – отсутствие у черепахи заднего хода...

Панцирь чудовища возвышался над величественной процессией. По третьему удару гонга в щели между ширмами показалась рука. Толпа взревела и подалась навстречу своему Императору. Задние ряды, видевшие лишь ненавистные затылки тех, кто пришел к Дворцу заранее, напирали и выли громче всех – больше от обиды, чем от восторга. Помосты чинovníков затрещали.

Рука высунулась уже до локтя, чтобы дать сигнал к началу танцев рабынь на стене и запуску цветных огней, как вдруг сдавленный крик нарушил течение церемонии. Один из стражников, стоявший в пятидесяти шагах от красной черты (но и там чувствующий напор зрителей), вдруг завалился на

своего соседа. А на его месте вырос, будто из-под земли, босой человек с копьем. Будто? Песчинки, прилипшие к его губам и набившиеся в волосы и ресницы, говорили о том, что он и правда провёл под землей какое-то время.

Уперев левую ногу в песок, пришелец поднял руку с копьем над головой, отвел назад и с силой метнул смертоносное оружие в сторону трона. Даже самому сильному воину не удалось бы покуситься на жизнь Императора, стоя за красной чертой, но убийца оказался ближе к воротам на целых пятьдесят шагов.

Прорезав внезапно установившуюся тишину, копье вошло в ткань ширмы чуть ниже и правее руки. Это был умелый бросок – ни один воин Императора не смог бы бросить лучше. Люди снова взревели, поняв, что стали свидетелями дерзкого покушения. На сей раз к крикам крестьян и вельмож примешивались проклятия воинов. Десятки мечей метнулись к горлу убийцы, и лишь привычка не казнить без приказа сдерживала воинов. Лезвия образовали сплошное кольцо вокруг грязной шеи – стоит метателю копий чихнуть, и смерть будет неминуема.

Но тут, перекрывая гомон воинов и вопли толпы о том, что расправа должна быть медленной, над толпой прозвучал голос, по силе своей сопоставимый только со звуком гонга. Казалось, что он льется не из-за ширм, а откуда-то с неба. Бесстрастный голос, незнакомый толпе.

Сомнений быть не могло. Говорил сам Император!

– Стойте, – приказал голос. – Приведите глупца во Дворец. Мы будем судить его, как того требуют справедливые законы Империи. Не за попытку убийства: все вы знаете, что я неуязвим для простого оружия, – а за дерзость и срыв церемонии.

Танцев и огней не будет. Я буду развлекать себя казнью этого несчастного. Но сначала я спрошу вас, люди: что мне полагается сделать с ним за то, что он лишил вас единственного в году праздника?

Может, кто-то в толпе и дал ответ, продиктованный милосердием, но его слова потонули в океане злобы. Правда, если бы Император внимательней вслушался в крики, то понял бы, что не все осуждают Чода за его покушение. Многие негодовали, потому что попытка убийства не увенчалась успехом...

